Как обмануть судьбу

Валерий Панюшкин

эксперт Российского фонда помощи

Многим людям, пострадавшим после взрывов в Печатниках и на Каширском шоссе, нужны посуда, еда, медикаменты, деньги, жилье и забота. Там женщины, старики и дети. Помогите им, пожалуйста.

...Мальчик, засыпая на руках у матери, сладко потягивается и зевает:

— Ну, мы ведь завтра увидимся?

— Увидимся, малыш, спокойной ночи.

— А что у тебя во рту? Жвачка?

— Нет. Ничего. Спи.

У женщины во рту рыдания целый день, как долгоиграющая конфета. Ей 26 лет, ее зовут Катя. Всякий раз, когда в течение дня к ней подходил кто-то из телекорреспондентов и спрашивал, не согласится ли она рассказать в камеру, что с ней случилось, Катя просто плакала, потому что с ней не случилось ровным счетом ничего. Ничего страшного по сравнению с домом напротив. У нее просто выбило окна, слегка покорежило стены, раскидало мебель и поцарапало осколками Пашку.

Теперь смешной такой, весь в зеленке, Пашка, засыпая, каждый раз спрашивает, увидятся ли они завтра.

И Катя каждый раз отвечает:

— Конечно, увидимся. Спи.

— Тогда пока,— Пашка машет ладошкой.

Сразу после взрыва он, со свойственной детям деликатностью по отношению к судьбе, стал употреблять это словечко вместо «спокойной ночи».

Пока Катя и Пашка живут в медпункте напротив того самого злосчастного дома на Каширском шоссе, который взорвался 13 сентября, в понедельник. У них нет одеяла, и поэтому Пашка почти всегда засыпает у Кати на руках, комментируя это так:

— Для засыпания надо тепло и сказки.

Еще у них нет подушки, поэтому вечером тринадцатого Пашка несколько часов спал, положив голову на мой фотографический кофр. Кофр за 150 долларов, на которые можно было накупить подушек всем детям, спящим тут на полу. И о чем только я думал два года назад во время отпуска в Греции?

Московское правительство обещало пострадавшим новые квартиры, равноценные прежним. Кому-то даже выдают ордера на невнятных бумажках. Но люди, получившие ордер, все равно почему-то продолжают спать на полу в медпункте.

К телефону, объявленному всеми средствами массовой информации, по которому можно узнать о судьбе Кати и Пашки, никто никогда не подходит, хоть обзвонись. Московское правительство обещало каждому по десять тысяч рублей единовременно, но пока не дало. И выделило средства на возмещение ущерба на сумму не более 75 тысяч рублей, но выделить — не значит выдать. Обещают завтра.

> Пока спасаешь кого-нибудь живого, линия фронта проходит там, где спасаешь. И, стало быть, дома — тишина

— Мама, ну мы ведь завтра увидимся?

— Конечно, увидимся, спи.

...В Печатниках на завале подъемный кран казался огромным аистом наоборот. Издали это выглядело даже величественно и не страшно. Куча камня, спасатели во флюоресцентной форме с надписью (как заклинание) «МЧС России». Бульдозеры, самосвалы.

Спасатели не обращали на меня внимания. Ворочали камни такой величины, что совершенно невозможно представить, будто под такой глыбой кто-то может лежать живым, но спасатели надеялись, потому что действительно так бывает.

Кто-то из них незадолго до этого нашел под завалом живую кошку, и это вселяло надежду, что найдется, может быть, хоть один еще живой человек.

Я кашлял не переставая. Спасатели подцепили к подъемному крану большую бетонную плиту, и кран ее поднял. Под плитой была спальня.

На какое-то мгновение спасатели, работавшие в этой части завала, выпрямились, замерли и замолчали. В спальне стоял диван, сплюснутый бетонной плитой так, что сначала он показался мне тюфяком.

Секунду стояли молча. На диване лежали мужчина, женщина и ребенок. Женщина обнимала ребенка и как бы пыталась прикрыть своим телом от смерти. Я подумал, что должен что-то сказать об этом, но не знал что.

— Ребенок, кажется, живой,— шепнул кто-то из спасателей и кинулся к дивану.

Шестеро мужиков бережно и быстро освобождали тела от засыпавшего их строительного мусора. Бережно и быстро. Сначала подняли женщину. Женщина была мертва. Потом подняли ребенка. Спасатель прижимал его к груди. Дым завивался вокруг кольцами, как в кино. Репортер газеты «Сегодня» успел щелкнуть от живота фотокамерой. Стоявшие вокруг стали передавать по цепочке, но за спинами, как бы скрывая друг от друга, черный трупный мешок. Ребенок был мертвый. Его быстро закрыли и быстро унесли.

Поодаль стояла раздавленная машина, кажется «копейка». Я сел на ее капот и закурил. Дым был невкусным.

— Сигаретка найдется? — рядом со мной стоял один из давешних спасателей. — Видел? Как в сказке.

— Что как в сказке?

— Жили долго и счастливо и умерли в один день.

Он правда так сказал. Я ничего не придумываю.

...Там, в Печатниках, по завалу бродил парнишка лет восемнадцати и все время искал что-то. В руках он держал тетрадку. Кто-то из спасателей рассказал мне, что паренек этот нашел на завале дембельский альбом своего дружка-соседа и вот теперь ходит с этим альбомом и ищет что-то еще.

— Мы его отвели к штабу, чаю дали. А он вернулся. Ищет. У него тут родители погибли.

— А сам то как уцелел?

— Пошел к соседу играть в компьютер,— спасатель махнул в сторону дома напротив, тоже изрядно покореженного. И все видел. Кажется, еще у него была сестра старшая.

Я видел своими глазами, как в Печатниках молодой человек, осматривая трупы, в каждом узнавал свою невесту. Я видел, как девушка бежала в темноте куда-то. Видел старика, который пытался запихать еду в маленький пластмассовый термос. Видел мужчину, который, найдя в списке рядом с диагнозом «сочетанная травма» заветное женское имя, вздохнул: «Слава Богу». И тогда мне это не показалось странным. Наоборот, странным кажется мне вот уже несколько дней все остальное.

...— Слушай, пристрели ты ее!

Так говорил в последнюю ночь в Печатниках постовой милиционер спасателю. Спасатель этот только что сменился, еле стоял на ногах от усталости, но вот уже битых полчаса, вместо того чтобы пойти и лечь где-нибудь в автобусе, ползал вокруг разбитого «Жигуленка» и пытался поймать под ним кошку. Ту самую, кажется, которую вытащили из-под завала.

Спасатели МЧС возились с раненой вороной, кормили потерявшуюся собаку, на исходе второго дня, все еще устраивали минуты молчания...

И министр Шойгу, когда уже даже мне было ясно, что живых под завалом нет, продолжал говорить в телекамеру:

— Может, найдем хоть одного живого.

И заместитель его говорил то же самое. И генерал, командовавший работами. И спасатель Саша, который не боится за свою оставшуюся дома семью.

— Я же тут спасаю...

— Это что, примета такая?

Два дня и ночь, проведенные на руинах домов в Печатниках и на Каширке, убедили меня в том, что, пока спасаешь кого-нибудь живого, линия фронта проходит там, где спасаешь. И, стало быть, дома — тишина. Ребенок спит, и жена поет ему колыбельную.

Не может быть, что судьба настолько несправедлива, чтоб обижать спасателей. Поэтому, если мы все станем спасателями, война прекратится.

Помогите им. Помогите, чем можете, и, я даю слово — тем временем какой-нибудь ангел будет охранять ваших близких.

Сами мы местные

С миру по нитке — это не подаяние

НАТАЛЬЯ МЕДВЕДЕВА

В здании московского кинотеатра «Тула» на улице Гурьянова в первые же часы после взрыва был развернут центр помощи пострадавшим. Работает он и сейчас. В кинотеатре побывал специальный корреспондент издательского дома «Коммерсантъ» АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ.

У Валеры Савватеева и его жены было довольно много обуви. Только женской больше 70 пар. Обувь эта была совершенно новая, в коробках. В основном демисезонная, полусапожки.

Мы застали Савватеевых за разгрузкой полусапожек у кинотеатра «Тула». Все 70 пар поместились в просторном «мицубиси паджеро», и теперь подростки, которых очень много в кинотеатре, помогали выносить коробки из машины.

Валера сказал, что пару обуви они покупали по 70–80 долларов. Было это года два назад, подруга жены торговала ею, но не шибко удачно, потом, к счастью, забеременела, а обувь — вот она, осталась. Валера с женой и не знали толком, что делать с таким количеством чудесной итальянской обуви, просто, не поверите, ума не могли приложить.

Ну, а когда узнали о том, что произошло на улице Гурьянова и услышали по телевизору, куда нужно везти помощь, сразу приехали.

Коробки с обувью внесли в вестибюль и сложили слева от входа. Там складируются дорогие, не бывшие в употреблении вещи. Там посуда, чемоданы Samsonite, люстры, ковры. Над ними — фиолетовое полотнище с надписью «Московская федерация профсоюзов».

— Что,— спрашиваю,— это все федерация пострадавшим прислала?

— Да нет,— говорят,— ни в коем случае. Здесь храним все более или менее ценные вещи.

— А знамя тогда почему тут?

— Так профсоюзы и повесили,— с готовностью отвечают.

Ко мне подходят двое, женщина средних лет и юноша.

— Вы из газеты? Не могли бы дать объявление, что в пятницу в 11.00 в кинотеатре «Тула» будет собрание всех, кто не опознал тела и фрагменты? В 11.00. А то мы никак не можем встретиться. Напечатаете?

Женщину дергает за рукав старушка с большим полиэтиленовым пакетом в руках.

— Готовая посуда у меня для вас.— Она тычет в женщину этим пакетом.— Тут кастрюля… Чашки. Все подписано!

— Да,— благодарит женщина и отодвигается от пакета.

— Вы что? — обижается старушка.— Я от души. Ложки, вилки…

— Мне давайте,— подходит пожилой человек.— Мы тоже пострадавшие. И как раз переезжаем. А пока у знакомых живем.

— Да пожалуйста…— Старушка обижена.

— Бросьте,— негромко говорит ей пожилой человек.— Эта женщина… она немного не в своем уме. Она до сих пор своего внука не может найти. Зятя, дочку и внучку нашла уже давно, она их не хоронит, ищет внука Тему, а его, наверное, вообще в порошок истерло. Она все равно, вы сами понимаете, ждет. Не обижайтесь на нее.

Старушка, ни слова ни говоря, уходит, ошарашенная тем, что здесь происходит, и по рассеянности уносит с собой пакет с посудой.

На стене висят объявления.

«Московская Н. Р., ул. Гурьянова, 19, кв. 76. Я жива!»

«Кто нашел серебряные позолоченные часы на тонком ремешке, просьба сообщить по тел…»

«Дюкачева Клавдия Семеновна разыскивает слепого племянника из кв. 85, д. 19».

«Пострадавшим в результате взрыва в д. д. 19, 17 мебель, карнизы, светильники, отделочные материалы…» Телефон, и мелкомелко внизу: «Скидка 20–30 проц.» Это бизнес.

Директор кинотеатра Тамара Дмитриевна не отходит от телефона.

— За чемоданы спасибо. Хорошие чемоданы, но не хватает сумок. Можно с брачком. Везите сумки.

— Фирма «Еврогалант» прислала нам десятка два чемоданов,— говорит она мне.— Спрашивают теперь, подошли ли? Видите?

Она кивает на груду чемоданов в углу. Такие возят на тележках носильщики в Шереметьево-2 и во всех аэропортах мира.

— А только что пришел Черномырдин и принес цветы.

— И все?

— Ну,— смущена она,— еще что-то, всего не вспомнишь…

— И тоже сегодня был Селезнев из Госдумы,— продолжает она парадный список.— Дал две тысячи своих рублей. Рыбицкий Л. В. привез 428 пар мужской и детской обуви, все новое. Нет, он не из Госдумы, неизвестно откуда. «Беларусь-мебель» позвонила, хочет полностью обставить две-три квартиры… А вот представитель движения «Отечество», знакомьтесь, второй день у нас работает…

Вообще-то в здании кинотеатра два дня, 9 и 10 сентября, должна была работать конференция движения «Отечества». То ли районная, то ли региональная. Организаторы арендовали большой зал кинотеатра, повесили над сценой огромный транспарант «Привет участникам собрания!» Сцена была в торжественном убранстве. И когда Тамару Дмитриевну разбудили в ту ночь телефонным звонком и сообщили про взрыв, она сразу поняла: диверсия против «Отечества». Она очень боялась за свой кинотеатр. Потом увидела, что стало с домом возле него…

— У нас сейчас главная проблема — транспорт. Очень многие хотят помочь, привезти мебель и вещи, но им не на чем, лишних денег нет, а у нас нет транспорта,— говорит она.— Есть только один частный водитель, который сразу приехал,— шофер Витя. Вот и не спит уже которые сутки. У него «Газель».

И ее еще очень удивило, что за все эти дни позвонил и предложил свою помощь только один врач по фамилии Бутенин.

Эта женщина не спит уже несколько дней, она по своей инициативе сразу, не колеблясь, сделала кинотеатр центром сбора пострадавших от взрыва, ей тут благодарны и обязаны тысячи уже, наверное, людей.

— Извините,— подходят к ней двое.— Мы хотели бы оказать конкретную помощь бабушке и внучке, их вчера показывали по телевизору…

— Пойдемте,— говорит и вдруг останавливается.— Какие бабушка с внучкой? Катя? С подушечкой ходила? Так они уже в Тамбов уехали. Вы знаете что? Дайте знать о себе в оценочную комиссию, у нас тут есть такая, они сообразят, кому вы сможете помочь, и скажут вам.

— Да вы поймите,— негромко говорят двое,— нас начальство на фирме в шею гонит сюда. Мы сегодня вечером отчет писать должны. Вы нам дайте какие-нибудь фамилии, а мы потом поменяем на настоящие и поможем, обязательно…

— Не дам я вам никаких фамилий,— говорит директор кинотеатра.— Сюда вот Лена приходит, ей 23 года. Получила от кого-то 25 тыс. рублей, 400 долларов, СВЧ-печь буквально сегодня… А у нее сестра в Америке живет. Нет, не дам фамилий. Идите в оценочную комиссию, в рабочем порядке…

— Ну-ну,— говорят эти двое почти угрожающе,— а мы, между прочим, намерены 150–200 рублей потратить…

— Вот что,— спохватывается директор.— У нас есть девочка, Катя. Ее мама была редактором программы «Навигатор» на «ТВ Центре». Маму до сих пор не нашли. А они были не прописаны в квартире, снимали. Теперь девочка даже компенсацию не сможет получить за все, что у них в этой квартире пропало. А те, кто им сдавал, уже, наверное, ордер на новую квартиру оформили. Может, вы ей поможете?

Двое, которых начальство гонит сюда в шею, радуются как дети. Мимо несут несколько ковров, какие-то свертки…

— Я могу предоставить мебель, телевизор и еще много разных вещей, но мне нужна конкретная семья,—заявляет пожилая женщина.— Дайте мне конкретную семью. Только адресная помощь.

Конкретные семьи здесь нарасхват.

— А я принес чисто деньги — маленьким детям, которым кушать…— запинаясь, произносит ухоженный молодой человек в ярко-синей рубашке и в галстуке в бело-черную шашечку.— Детям, кушать…

— В первый день тут пришел один парень, вот такой же,— говорит мне замглавы управы «Печатники» Владимир Филенко.— Я, говорит, хочу раздать тысячу долларов. Кому раздать? Я ему говорю: вот они, пострадавшие, на крыльце стоят. Он вышел на крыльцо и раздал тем, кто там стоял. А стариков сколько было, которые буквально последние три рубля приносили…

— Носки нужны? — вдруг спросил пацан лет двенадцати.

— Что? — переспросил я.

— Носки.

Он раскрыл черный полиэтиленовый пакет. В нем лежало несколько пар белых и черных носков. Пацан посмотрел на меня, секунду подумал и выскочил за двери кинотеатра. А я подошел к той половине вестибюля, где складировали одежду. Пол был завален пальто, куртками, брюками, платьями, юбками, ботинками… По ним ходили какие-то люди, что-то примеряли.

— Кто это? — спросил я женщину, стоявшую рядом.

— Да разве кто-нибудь знает? Одни приходят и приносят, другие забирают. Говорят, жертвы, а кто они на самом деле…

— Смотри,— громко сказал своей подружке подросток лет пятнадцати.— Два пакета принесли. Так… Бумажник, новый, клади в сумку… А это? Носки. В карман… И не светись особенно. Здесь журналисты ходят.

ДМИТРИЙ ДУХАНИН

В вестибюле кинотеатра «Тула» все желающие могут найти то, что им по душе

ДМИТРИЙ ДУХАНИН

Валера Савватеев привез в «Тулу» 70 пар итальянской обуви

им нужна помощь

Самые свежие новости

Медпункт в доме № 15 на Каширском шоссе работает круглосуточно. Когда верстался этот номер, теплых вещей и одеял там уже было достаточно. Целая комната завалена ими от пола до потолка. Спасибо.

Не хватает посуды и денег. Начались уже первые выплаты, но пока только остро нуждающимся. И денег этих им хватит на один-два дня.

Люди приносят денежные пожертвования постоянно. Но суммы, к сожалению, небольшие, хотя многие из них стоят многотысячных траншей.

На наших глазах в штаб пришел инвалид. Он с трудом передвигается, однако преодолел расстояние от метро до дома № 15, чтобы принести 250 рублей — все, что осталось у него от пенсии.

С другого конца Москвы приехала старушка и привезла 50 рублей.

Другая старушка отправилась в сберкассу, открыла счет на имя мальчика, в момент взрыва придавленного каменной плитой, и положила на этот счет $500. Последние сбережения.

Как помочь

На сегодняшний день окончательные списки пострадавших еще не составлены. По мере уточнения и корректировки списков мы обязательно будем их публиковать.

Мы будем обращать особое внимание на тех людей, которые по случайному стечению обстоятельств не получили помощи или получили мало.

Ниже мы публикуем имена девяти людей, которые на сегодня особенно нуждаются в помощи.

Для каждого из них мы открыли именные счета в Сбербанке.

В платежном поручении следует писать общие для всех банковские реквизиты:

Филиал Сбербанка № 5282/0646
Войковское ОСБ г. Москвы
р/с 303 018 104 380 006 038 30
МБ АК СБ РФ
БИК 044 525 342
кор/с в МБ АК СБ РФ
301 018 106 0000 0000 342
ИНН 771 204 02 39

Далее следует писать фамилию человека, которому вы намерены помочь, а в графе «Лицевой счет» — «вклад новый, до востребования».

Романцева Вера Владимировна
45 лет. Во время взрыва была на работе. Под завалом у нее погибла вся семья.

Мишарин Михаил Феликсович
24 года. Лежит в реанимации в крайне тяжелом состоянии. Но врачи надеются, что выживет. Один из тех двоих, кого спасателям удалось поднять из-под завала живыми.

Комарова Капитолина Ивановна
83 года. Живет у дальних родственников.

Лукьянов Игорь Алексеевич
34 года. Вся семья погибла.

Софронцев Юрий Аркадьевич
41 год. В больнице. Состояние средней тяжести.

Заваров Александр Иванович
48 лет. Инвалид второй группы. Временно живет у дочери.

Фролов Петр Николаевич
46 лет. Вся семья погибла.

Конюхов Семен Аркадьевич
51 год. Был прописан в доме № 6, корпус 3. Но уступил свою квартиру семье дочери. И вся семья дочери погибла.

Кирушкин Александр Николаевич
Жил в соседнем доме № 6, корпус 4. В больнице с сотрясением головного мозга находятся две его дочери — Светлана семи лет и Екатерина девяти лет.

Оперативную информацию, новые имена пострадавших и сведения о том, дошла ли ваша помощь до адресата, всегда можно узнать в Российском фонде помощи по телефону (095) 158-69-04 и 943-91-35.

Благотворительный рок-концерт

В выходные радиостанция «Наше радио» и газета «Коммерсантъ» проведут благотворительную акцию. В течение дня в прямом эфире «Нашего радио» на волне 101,7 FM отечественные рок-музыканты будут исполнять акустические версии лучших своих песен.

Во время концерта в эфире состоится благотворительный аукцион, на который будут выставлены инструменты, диски и личные вещи музыкантов. Все собранные средства будут переданы непосредственно тем, кто в результате террористических актов остался без крыши над головой. Списки этих людей с 16 сентября начинает публиковать газета «Коммерсантъ».

На момент верстки номера получено подтверждение на участие в акции от московских групп «Чиж и Со» и «Крематорий». «Чайф» постарается прилететь к прямому эфиру прямо с концертов в Самаре. Юрий Шевчук и группа «ДДТ» запишут в студии в Петербурге специальные акустические версии песен для этой акции.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их в газете «Коммерсантъ» и журнале «Домовой». Если вы решили поддержать авторов этих писем, то звоните в фонд, получаете их адреса, банковские реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50. Российский фонд помощи. Тел.: (095) 956-71-87, (095) 158-69-04.

E-mail: rfp@kommersant.ru.